

Судьба детей последнего русского императора всегда будет порождать множество догадок и домыслов хотя бы потому, что слишком велика у нас вера в чудо, в надежду на спасение невинно пострадавших девушек и их младшего брата. Именно поэтому так много появлялось людей, с большим или меньшим успехом выдававших себя то за одного, то за другого. Исследователи и историки до сих пор спорят – и никогда, похоже, не придут к единому мнению! – была ли хотя бы крупница правды в словах этих самозванцев и самозванок.

Кому-то кажется странным, что самой популярной оказалась среди самозванок личность великой княжны Анастасии Николаевны. На самом деле для этого есть как минимум две причины: явная подтасовка фактов во время поисков останков семьи императора и факт бегства Анастасии... то ли из Екатеринбурга, то ли, по другим документам, из Перми.

Среди множества женщин, выдававших себя за великую княжну Анастасию Николаевну, особенное внимание привлекают три. Это Наталья Билюхидзе, Анна Андерсон и Надежда Иванова-Васильева*. Роман «Тайна воскресшей царевны» посвящен женщине, известной под именем Анны Андерсон. В нем исследуется новая версия личности и судьбы самозванки.

Е. А.

Пермь, 1918 год

...Сизо-серебристое море, аромат роз, темные, таинственные кипарисы вдали – это райский сад? Нет, это Ливадия. Ах, как плавно колыхнутся волны, нежат шлюпку, подбрасывают, словно играя. По волнам

* Романы об этих трех самозванках публикуются в издательстве «Эксмо».

прыгают солнечные зайчики, но не тонут. Аня смотрит, смотрит на них – и вдруг восторженное любование сменяется головокружением, и запах роз кажется приторным, ее мутит все сильнее, а таинственная темнота кипарисов навеивает страшные мысли о кладбище... Она жмурится, слезы подкатывают к глазам.

– Я не хочу больше кататься, – слабо шепчет она. – Я домой хочу...

– Да тебя просто укачало, бедная девочка, – участливо говорит тетя Надя. – Но надо терпеть, потому что Анастасию никогда не укачивает. И других девочек тоже не укачивает. Они любят кататься по морю. Вы будете учиться грести.

«Я ненавижу море! – думает Аня с тоской. – Я не выдержу...»

Она представляет себя болтающейся в одинокой шлюпке посреди серебристого моря, с тяжелыми веслами в ослабевших руках, – и тошнота подступает к горлу.

Аня наклоняется через борт лодки. Волны плещут совсем рядом, она жмурится, чтобы соленые брызги не попали в глаза, и вдруг видит, как из глубины поднимаются чьи-то бледные лица.

Русалки?! Как в сказке Андерсена? Какие они красивые! Но странно: почему-то кажется, что Аня уже видела их раньше. Одна из них очень похожа на тетю Надю. Нет, две похожи на нее! А две другие – ну просто копия сестры Ирины... еще дальше плывут две Евдокии, две Ларисы. Сейчас они вынырнут, всплеснут хвостами, и Аня спросит их, почему они так похожи на людей и почему они похожи, как двойники.

Двойники... дублиры...

Волна медленно поворачивает русалок, и Аня видит, что у них нет рыбьих хвостов. У них ноги, как у самых обычных людей.

Да ведь это люди, а никакие не русалки! Вот Аня видит дядю Федю, и Сереженьку – и их двойников видит.

Значит, это водяные? Почему, почему они так похожи на людей?!

Волнение на море усиливается, и русалок вместе с водяными уносит вдаль. Ане становится страшно.

Как же так? Они сейчас уплывут, а она останется одна в этой страшной шлюпке?!

– Тетя Надя! – кричит она испуганно. – Дядя Федя! Ирочка, Сережа! Подождите меня!

– А ну, тихо! – взрезал слух чей-то грубый голос. Неласковые руки схватили Аню за плечи, сильно трянули: – Просыпайтесь! Вам пора просыпаться!

Она открыла глаза, увидела небритое мужское лицо, – и мгновенно вспомнила все, что было вчера, что было ночью, что было потом...

С жалобным стоном поджала колени, натянула на них юбку – неужели кошмар повторится?

– Не надо... не надо... я больше не могу... – слетел с губ жалобный стон.

– Что такое?! – пробормотал удивленно мужчина. – Чего задергались?

– А, понятно, – раздался женский голос, в котором звучала насмешка. – Не по нраву ей наши солдатики пришлись. Не по нраву, да?

Аня оглянулась, страшась увидеть себя снова в том вагоне, где ее минувшей ночью распинали на полу и мучили, но нет – она лежала на кушетке в какой-то комнате, похожей на человеческое жилье.

Да, она оказалась здесь вчера... или позавчера? День и ночь перепутались в голове, счет времени сбился. Сюда приходил доктор, такой добрый, он смотрел на нее чуть ли не со слезами, и она ему снова сказала:

«Я дочь государя Анастасия».

Доктор так побледнел, что Аня поняла: он поверил сразу. Безоговорочно поверил! А те, другие...

Поверили? Нет? И что теперь сделают с ней?

Голова кружилась так же, как в шлюпке, ее тошнило, мысли то медленно плавали, то метались, и ей было холодно, холодно!

– Я замерзла, – пробормотала она. – Мне плохо. Дайте воды.

Женщина с резкими чертами лица и белокурыми волосами, видневшимися из-под красной косынки, подала ей воды в железной кружке но Аня сделала только глоток – не было сил пить.

Откинулась на кушетку, закрыла глаза.

– Кажется, ее придется туда нести, – недовольно сказала женщина. – А это не близко. Может быть, автомобиль вызвать?

– А может быть, золотую карету? – ухмыльнулся мужчина. – Ничего, до дома Березина дойдет, это же два шага, на углу Покровской. А оттуда их всех вместе увезут. Давно пора! Развели чертов либерализм, понимаешь! Непротивление злу насилием развели! Надо было их всех еще в Екатеринбурге... Но теперь все, наконец-то, кончится.

– Тогда зачем ее туда тащить? – холодно спросила женщина. – Здесь тоже есть подвалы. Не в первый же раз.

– Требуют, чтобы их всех вместе увезли в монастырь на Биармской, – проговорил мужчина.

– И подвели под монастырь, – хихикнула женщина.

Их слова реяли над Аней, словно злобно жужжащие мухи. Эти мухи жужжали о ней, мухи жужжали о том, что ее скоро убьют. Подвал дома Березина... Она мечтала туда попасть, ей нужно было туда попасть... Она не помнила, зачем. Ну теперь она туда попадет. И там ее убьют. Нет, ее увезут в какой-то монастырь...

Какая путаница в голове!

Как холодно! Синяя ледяная вода вокруг, русалки хватают ее под руки и куда-то волокут. Хорошо, что не вниз, не на дно!

Нет, это не русалки. Ее волокут двое мужчин по каким-то ступенькам.

Уже в подвал?! Уже убивать?!

Нет, они вышли на крыльцо, спустились с него, повернули за угол и пошли по ухабистой немощеной улице.

– Э, куда плететесь, земляки? – вдруг прозвучал рядом веселый мужской голос.

– Это ты, Гайковский? – окликнул солдат, шедший справа от Ани, и обернулся.

Гайковский?!

Аня вздрогнула, попыталась повернуть голову, увидеть его, но вокруг было темно. Ее волокли по темной, неосвещенной улице, только вддали раскачивался фонарь над крыльцом чеки.

Гайковский...

И вспыхивает воспоминание: вот она что было сил бежит по березовой роще, стараясь держаться в стороне от деревни, которая называлась Нижняя Курья. Человек, который провожал ее от Полуденки до этого места, остался в лесу. Все, что о нем знала Аня, это что его следовало называть господином Ивановым. Он привез для нее короткое коричневое пальтишко, серый платок, зеленую юбку, белую полотняную блузку и короткие мягкие сапожки, сказав, что та девушка одета точно так же. Велел расплести ее короткие толстые косы.

Когда они шли по лесу, господин Иванов молчал. Все, что нужно было рассказать о положении первой семьи в Перми, уже было сказано вчера, и он знал, что Аня это запомнила. Также она накрепко запомнила, что ей надо было добраться до разъезда 37 Пермской железной дороги, где ее ждал солдат-красноармеец по фамилии Гайковский, которого она знала по описанию: высокий, черноглазый брюнет. Он поможет ей добраться до Перми, где она должна попасться в руки солдат. В лесу же следовало держаться от них подальше.

Наконец они дошли до места обмена, и господин Иванов крепко пожал ей руку, заглянул в глаза:

– Аня, помните, от вас зависит очень многое, бесконечно многое!

Волна гордости захлестнула ее, и она вспомнила, как волновалась, как переживала, боясь, что первой пошлют или Ларису, или Дунечку. Ирину послали бы вряд ли: она была уж слишком красивой, дядя Федя и тетя Надя боялись, что к ней могут пристать солдаты.

При этих словах обида на мгновение пронзила Аню: «А я что, уродина?» И дядя Федя, словно услышал эти мысли, шепнул: «Ты самая умная, Аня. Ты сообразишь, как вывернуться из какой угодно ловушки!»

Да, она пошла на обмен раньше других. Прежде всех! И потом, когда все кончится, когда первую семью спасут, а потом спасут и Филатовых, когда красных погонят из России поганой метлой, когда первая семья вернет себе место, которое принадлежит ей по праву, рядом с ними всегда будет она, Аня Филатова... то есть не Филатова, конечно, но свою настоящую фамилию она уже не помнила. Может быть, имя у нее тоже было другое, может быть, ее звали вовсе не Аней...

Эта мысль вдруг неприятно поразила ее, но тут же она прогнала ненужные размышления и ускорила шаги.

Как бы не опоздать на встречу, от которой зависит так много!

В это мгновение Ане показалось, что мимо кто-то пробежал, таясь за кустами так же, как таилась она.

Девушка повернула голову и успела разглядеть мелькнувшее среди желтой листвы серое пятно.

У нее глухо стукнуло сердце: это пятно было похоже на платок, такой же платок, какой носила она, а значит, мимо пробежала сама...

Аня гордо вздернула подбородок.

Нет! Теперь сама была она, а та, мелькнувшая за кустами, стала просто-напросто жалкой беглянкой, жизнь которой зависела от Ани Филатовой.

Она гордо улыбнулась. Наконец-то начиналось то, к чему ее готовили всю жизнь! Теперь она сможет показать, на что способна! Настал ее час!

Мужская фигура показалась за кустами, и девушка метнулась туда, уверенная, что это Гайковский, однако встречный походил на него только высоким ростом и солдатской шинелью. Он был белобрысый, курносый, голубоглазый.

– Эх ты! – удивился солдат, заметив девушку. – Чья такая кралечка?

Аня бросила на него холодный взгляд и резко свернула в сторону.

И все-таки сердце ее забило тревожно. Если та, другая, пробежала ей навстречу, значит, начало тщательно продуманной операции прошло успешно. Но где же Гайковский? Что ему помешало встретить ее?

– Да стой же ты! – крикнул в это время солдат. – Куда валишь? Тоже по грибы пошла? Нашла чего? Нет? Ну так я покажу тебе грибок, хошь?

И он подмигнул, расстегивая свою грязную, поношенную шинельку. Аня попятилась, прикидывая, куда бежать, как вдруг услышала треск кустов. Кто-то еще шел сюда!

Наверное, это Гайковский, и он избавит ее от этой неожиданной помехи.

– Чего блажишь, Вань? – послышался другой голос, и еще один солдат, поменьше ростом, рыжеволосый и бледный, вылез из кустов. Через плечо у него, как и у первого, висела винтовка. – Нашел чего?

– А нашел! – сообщил солдат по имени Иван. – Девка вон по грибы пошла, да с пустыми руками ворочается. Хотел ей свой грибок показать, а она совсем глупая, не понимает ничего.

И он захохотал бессмысленно и глупо, пьяно качаясь из стороны в сторону.

Аня догадалась: солдат пьян, да и рыжий тоже, судя по тому, как он покачивался на ходу. Решив, что сможет от них убежать, Аня резко рванулась в сторону, проломилась через кусты и сразу оказалась на дороге. Впереди виднелась сторожка железнодорожного охранника или стрелочника, и девушка устремилась туда, однако позади вдруг громыхнул выстрел – пуля свистнула над головой.

Аня споткнулась, но продолжала бежать, хотя сзади один за другим звучали выстрелы. Запнулась, упала, вскочила, но тут на нее налетел один из ее преследователей, сорвал с нее платок и пальтишко, повалил на спину, полез под юбку, налетели еще солдаты, и Аня, которая поняла, наконец, что ее ожидает, закричала, почти лишившись рассудка от ужаса:

– Оставьте! Прочь! Я царская дочь! Я великая княжна Анастасия Николаевна!

Солдаты захохотали.

– Мели, Емеля, твоя неделя, – пробормотал лупоглазый солдат, разрывая на ней блузку, но тут кто-то набежал со стороны, крича:

– Оставьте, дураки! К стенке захотели? Что, коль это правда?

Девушка, почти лишившаяся сознания от страха, повела на него заплывшими от слез глазами – и перехватила испуганно-сочувственный взгляд. Солдат был высокий, темноволосый и черноглазый, и она поняла, что это Гайковский.

Вот сейчас он поднимет ее и уведет туда, куда должен увести, и всё, что было задумано, произойдет...

И в это самое мгновение она поняла, что своим криком, своей истерической попыткой спастись все погубила.

Теперь ей не добраться незаметно до Перми, чтобы быть там схваченной и попасть в подвал бывшего доходного дома Березина на улице Обвинской. А это значит, что под угрозой не только ее жизнь, но и жизнь узниц, заточенных в этом подвале. Это значит, что вся операция «Вторая семья», которая разрабатывалась много лет и успешно осуществлялась втайне от всех, сейчас находится на грани провала.

Девушка в отчаянии уставилась на Гайковского, и тот ответил ей растерянным взглядом. Он тоже не знал, что теперь делать!

Однако его вмешательство если не отрезвило солдат, то, неведомо, надолго или нет, отбило у них охоту к насилию. Они привели в порядок свою одежду, подняли девушку с земли и под конвоем повели ее в сторожку. Озабоченный, хмурый Гайковский шел с ними, и по лицу его девушка видела, что он совершенно не представляет, как теперь быть.

Она тоже не представляла, но, избавившись от первого страха, начала лихорадочно обдумывать сложившуюся ситуацию и искать выход из того положения, в которое попала.

Ах, если бы у нее хватило сил подождать, потерпеть, помолчать еще несколько минут! Тогда, возможно, Гайковский спас бы ее!

Внешне понурая и испуганная, однако собранная и напряженная в душе, девушка послушно вошла в сторожку и притулилась на лавке у уголке, исподтишка оглядываясь.

Это оказалась избушка телеграфиста. Аппарат стоял на столе, а немолодой связист поглядывал на Аню сочувственно.

– А пусть он выйдет пока, чего мешается, – вдруг сказал один из красноармейцев, махнув в сторону хозяина. – Спроворим, чего начали. Раз попалась, значит, наша. И здесь всяко потеплей, чем в лесу.

Аня не поверила своим ушам. Это кошмар. Это ей снится, с ней такого наяву просто не может произойти! Чтобы к великой княжне Анастасии Николаевне – к царевне! – притыкался какой-то Ванька-дурак?!

– Умолкни, Ванька, сила нечистая, – встревожено сказал ему Гайковский. – Чего несешь?! Что она тебе, телка деревенская?! Ну как она правду говорит?

– Ну так и что, коли правда? – хмыкнул Ванька. – К тому же, как это может быть правдой, коли во всех газетах написано, что царскую семью порешили в Екатеринбурге?

– А мне другие обсказали, что порешили только самого Николашку, а девок и жену его допрежь вывезли в Пермь и секретно содержат в Перми каком-то подвале, – настойчиво проговорил Гайковский.

– Да чего попусту трекаться, мы лучше вот кого спросим, – оживился Ванька, ткнув пальцем в связиста. – Он тут при телеграфе сидит – небось, всё знает. Давай, Грачев, говори: пристрелили царских дочек и женку его али в самом деле в Пермь притаранили?

Связист ответил уклончиво:

– Мне за разглашение государственных тайн кому ни попадя знаешь, что может быть? Так что лучше меня не спрашивайте, а отведите девчонку по начальству, ему, небось, виднее.

– И то! – засуетился Гайковский, накидывая на плечи дрожавшей девушку свою шинель и отдавая ей свой башлык. – Давайте-ка ее лучше на станцию отведем, пускай ее снова в подвал посадят. Кто их знает, начальников, может, они хотят девок да царицу отправить к их родне, а не то обменять на какую ни есть для нас выгоду?

Аня перевела дух с неким подобием облегчения. Она поняла, что Гайковский по-прежнему старается ей помочь. И если у него нет возможности вернуть ее в подвал в Перми, он поможет ей вернуться отсюда. И она все-таки там окажется, она поговорит с узниками, объяснит им все, расскажет, что делать дальше...

– Ладно, пошли, – согласился, наконец, Ванька. – Пускай начальники решают.

Гайковский успокоено кивнул и направился к двери, однако Аня успела заметить, как солдаты хитро переглядываются, едва сдерживая смех.

Девушку начал бить озноб. Она дрожащими руками стиснула у горла ворот шинели.

Ее повели мимо железнодорожных путей к мосту, однако не перевели через него, а заставили идти по путям к стоящим чуть на отшибе вагонам.

– Эй, вы куда?! – крикнул сзади Гайковский, но рыжеволосый солдат наставил на него винтовку и угрожающе щелкнул взводимым курком.

– Мишка, ты чего! – возмутился Гайковский. – В кого целишься?

– И не только целю, Сань, но и пальну, – спокойно сообщил тот. – Отвяжись и иди отсюда, а не то...

– Сдурел?! – вскричал Гайковский. – Чего делать собрались?!

Вместо ответа Мишка выстрелил ему под ноги.

– Она не пойдет с вами! – отчаянно крикнул Гайковский.

Кто-то из солдат ответил угрожающе:

– Ты, Санька, нам лучше не перечь сейчас. Ну, малость блуд почешем да отпустим твою царевну. А то, хочешь, с нами пошли. Чем плохо? А будешь мешаться, или правда пулю словишь, или комиссару на тебя донесем, мы-де поймали эту девку, а ты ей хотел помочь сбежать. Сам знаешь, что тогда будет: не только тебя, но и твою семейку на су-чья вздернут.

– Да пожалейте вы ее, – почти взмолился Гайковский. – Вас же там целая рота... Я знаю, вам с утра спирт давали, но не весь же ум вы пропили!

– Пошел! – крикнул Мишка, передергивая затвор. – Или с нами идешь, или пеняй на себя.

Гайковский больше не проронил ни слова.

Вот отодвинулась дверь вагона, и оттуда раздался дружный восторженный крик. Множество солдат смотрели на Аню, и ей показалось, что их там десятки, сотни, тысячи! Она отпрянула, но ее подхватили, зашвырнули в вагон, дверь задвинулась снова, и начался кошмар, который длился всю ночь...

И вот теперь ее волокут – куда? Убивать? И снова рядом Гайковский... В прошлый раз Аня понадеялась на него, но напрасно. Сумеет ли он помочь на сей раз? А главное, захочет ли?

Или надежды нет больше никакой?..

Пермь, 1918 год

Александр Гайковский не раз проклял себя за то, что впутался в эту историю. Но ему предложили такие деньги... разумеется, это были не бумажки, которые в те обезумевшие времена по всей России ходили разные: где керенки, где еще царские, где иностранные деньги. Все дензнаки, кроме долларов или фунтов, обесценивались чуть ли не каждый день, и не зря люди говорили, что они скоро будут годны только на то, чтобы ими оклеивать стены – на манер обоев. Гайковский получил золото – еще царское, то, которое ценилось сейчас даже дороже американских или английских денег. Дали ему также мешочек с украшениями, в числе которых было жемчужное ожерелье такой красоты, что Гайковский не мог себе представить женщину, на шею которой можно было бы это ожерелье надеть. Ну вот разве что царевой-королевой она должна быть... как та, которую он вывел из подвала в Перми и с которой простился возле Нижней Курьи, чтобы встретить и увести снова в подвал другую.

Но все пошло наперекосяк... Они разминулись на минуту, а в это время черт принес Мишку Кузнецова и Ваньку Петухова. Они и перехватили девушку.

Когда Гайковский увидел ее, то сначала подумал, что это та самая, которую он вывел из Перми. Решил, что ту схватили, что всё дело загублено! Лицо девушки было залито кровью, да и похожи они как две капли воды – немудрено спутать.

Но тут же он увидел, что на ней коричневые чулки... А на той были белые – ну, грязные, конечно, но все же бывшие некогда белыми. Гайковский мельком это заметил, когда помогал ей выбраться из подвала и у нее юбка немного задралась. Заметил, да тут же и забыл, а теперь вспомнил – и понял, что подмена все же удалась.

Удалась, да не совсем!

Кто знает, может быть, он отбил бы девушку у солдат, соврал, что это его девка... Мишка и Ванька не стали бы у товарища отбивать то, что ему принадлежало! – да она, на беду, возьми и заори: я-де великая княжна Анастасия.

Неважно, поверили они или нет – теперь Гайковский не мог за нее вступить, не рискуя жизнью семьи. Он уговорил мать еще вчера уехать в условленное место, однако она что-то замешкалась со сборами, и Гайковский знал, что тронуться в пути они с Верунькой, его сестрой, и Сергеем, младшим братом, смогут только завтра, не раньше. А если солдаты на него озлятся, они и впрямь могут завалиться в Верхнюю Курью и всех Гайковских к стенке или в петлю определить, а его в чеку сдать.

Надо было что-то придумывать... Но что?!

Когда эту бедняжку уволокли в вагон 21-й роты, Гайковский еле сдержался, чтобы не наброситься на этих тварей.

Ему было жалко и девушку, и деньги. Неужто их придется теперь вернуть? Конечно, можно удариться в бега прямо сейчас, но Гайковский нутром чуял: тот человек с черными непреклонными глазами, который ему заплатил, не пошутил. Он расправится и с ним самим, и с его семьей. Гайковский редко видел людей, которые были бы способны внушать такой ужас, как этот невысокий и худощавый человек с густыми бровями, сошедшимися к переносице. Его густые и длинные ресницы были обычно полуопущены, скрывали бритвенное лезвие взгляда, но уж когда этот человек смотрел Гайковскому в глаза, того охватывал нерассуждающий, слепой ужас.

Если что, этот Иванов не просто убьет – он так измучает свою жертву перед смертью, что молить начнешь, чтобы тебе поскорей перерезали горло!

И все же дело было не только в страхе и в жадности. Гайковский недаром был потомком заносчивых польских шляхтичей и задиристых, как петухи, трансильванских гайдуков. Они без всякого душевного трепета облапошили бы в сделке как богатого, так и нищего, как сильного, так и слабого, но только не в том случае, когда залогом сделки служит слово шляхтича или боярина.

Ну и не без трезвого расчета обстояло дело, конечно. Гайковский уже свyksя с мыслью, что, успешно завершив обещанное, он сможет убраться из России, уехав или в Румынию или в Польшу. Если сумеет избежать подозрений, хорошо. Нет – у него хватит денег, чтобы уйти от погони.

Так какая разница, уходить от нее только вместе с матерью и братом, или еще взяв с собой девушку, которую вдруг да удастся спасти?

Гайковский знал: если ее отведут в дом Березина, оттуда ей и остальным женщинам путь только в могилу – их судьба давно решена. Ну,

других он не спасет, они уже, считай, приговорены, к ним не подходить, а эту...

После того, как он вызвал чекистов на разъезд, сообщив, что солдаты 21-й роты захватили беглую царевну и, вместо того, чтобы вернуть под стражу, употребляют ее в своем вагоне почем зря... и неизвестно, то ли уделают до смерти, то ли потом, натешившись вдоволь, отпустят восвояси, – после того, значит, как Гайковский помог эту девушку захватить снова, он стал у чекистов человеком вполне своим. Никто не возражал, когда он шлялся по кабинетам дома на углу Петропавловской и Обвинской, где разместилась пермская чрезвычайка. И это дало ему в нужный момент возможность услышать то, что для чужих ушей не предназначалось, и мгновенно составить план действий.

Времени у него было всего ничего – только пока двое солдат, которые волокли под руки чуть живую «великую княжну», пройдут квартал от Петропавловской до Покровской и повернут налево, к Соликамской. На счастье, на улице стояла тьма кромешная, только позади болтался керосиновый фонарь над крыльцом чрезвычайки.

Гайковский запросто мог бы снять охранников из винтовки – он был метким стрелком, – однако стрельбу непременно слышали бы чекисты, поэтому он взялся винтовку за ствол и, как только один из охранников обернулся на его голос, ударил его прикладом в лоб с такой силой, что голова солдата треснула с отчетливым и жутким звуком. Второй охранник даже не успел понять, что произошло: Гайковский мгновенно нанес ему такой же сокрушительный удар.

Оба упали; девушка осела между ними, как куль, но Гайковский не стал ее поднимать, прежде чем не обшарил карманы шинелей и за пазухами обоих солдат. Нашел два куска хлеба, фляжку с водой, кисет и револьвер, что его приятно удивило: не солдатское оружие, не иначе, охранник у кого-то его стибрил да утаил. Спрятав все добро в своих карманах, добил обоих солдат, вонзив поочередно каждому штык в сердце.

Резко, кисло запахло кровью; Гайковский нервно сплюнул, но все же подхватил девушку под руку:

– Жива?

Она молчала, часто, судорожно сглатывая; Гайковский попытался заглянуть ей в глаза, но они закатывались, голова запрокидывалась...

Тратить время на то, чтобы привести ее в чувство, было нельзя. Гайковский, стараясь не запачкаться в крови, оттащил тела под забор, чтобы не сразу наткнулись. Потом взвалил девушку на плечи, побежал, как мог быстро, в темноту улиц. Дома стояли вплотную, проходные дворы вокруг чрезвычайки все перегородили, а ему надо было как можно скорей выйти из города и добраться до моста.

Добежал до Пермской, поставил девушку на ноги, прислонив к какому-то забору, всмотрелся в лицо, потом с размаху хлестнул по одной щеке, по другой. Она всхлипнула, но шататься из стороны в сторону перестала.

– Если жить хочешь, беги быстро! – велел Гайковский, хватая ее за руку, и ринулся по Пермской, таща девушку за собой.

Она словно ожила, почуяв свободу, и, как ни удивительно, оказалась легка на ногу и не слишком-то отставала, хотя дыхание ее запалилось быстро: иногда Гайковский слышал задыхающийся хрип за спиной и тогда слегка приостанавливался и даже некоторое время тащил ее за собой.

Скоро, на Биармской, перед ними выросла стена Успенского женского монастыря, и Гайковский приостановился:

– Помолились, если в Бога веруешь, чтобы сил дал.

– Это монастырь? – прохрипела она. – Сюда нас должны увезти, здесь убьют...

– Откуда знаешь? – с ужасом спросил Гайковский.

– Слышала... эта, блондинка из чеки... говорила, – с трудом выдыхала девушка.

– Беда, – пробормотал Гайковский. – Ну что сказать... монашек они разогнали, добро все разграбили, теперь в монастыре расстреливают да там же или закапывают, или за город везут, на Сылву или Чусовую, в болотах топят. Хотя и здесь тоже болотин полно, никуда везти не надо...

У нее громко застучали зубы.

– Их я спасти не смогу, тебя – если Бог даст, так что молись, – повторил Гайковский.

Девушка несколько раз перекрестилась на слабо мерцающие купола, и беглецы поспешили по узкой дорожке, лежащей под монастырской стеной, по-над берегом речки Данилихи.

Перешли железнодорожные пути и двинулись дальше по дорогам среди болот, оставляя слева станцию Заимки и новый железнодорожный вокзал, а справа – Кожевенную улицу.

Вдали громыхнул выстрел, другой... Стреляли там, в центре, где-то в районе Обвинской.

– Зашевелились, – пробормотал Гайковский. – Ну ты вот что... мы опять на разъезд идем на тот же самый, помнишь?

Девушка замерла.

– Не дури! – прикрикнул он. – Иначе Каму не перейти, понимаешь? В другом месте моста нет. Не бойся. Знаю, что ты подумала, да зря. Надо было бы мне тебя спасти, если бы я хотел опять тебя этим сволочам отдать! К тому же, двадцать первую роту перевели в другое место, вагоны пока пустые стоят. Ну не трясись, сама посуди: никому и в голову не взбредет, что ты будешь прятаться там, где тебя поймали! Я тебя отведу к телеграфисту – помнишь его? Максим Грачев...

У девушки подогнулись ноги, она упала бы, но Гайковский успел ее подхватить: встряхнул, глядя в глаза, которые снова обморочно закатывались.

– Мне нужно идти за своими: брат, сестра, мать должны меня ждать в Нижней Курье. А ты останешься пока у Грачева. Не бойся, говорю! Он поможет. Если чекисты смекнули, что это я тебя увел, они сейчас в другую сторону помчались – в Верхнюю Курью. Там моя семья жила. Но я им вчера еще сообщил, чтобы уходили сюда, в Нижнюю. Они давно готовы были, что мы тронемся в Россию. И мешкать не станем!

– В какую Россию? – пролепетала девушка. – А мы сейчас где? В Китае, что ли? – И она хрипло хихикнула.

– Мы на Урале, – снисходительно пояснил Гайковский. – А Россия – это там, где Москва да Питер. У нас так испокон веку говорят. На дрезине, конечно, быстрее было бы добираться, да ведь дрезину так просто не уведешь. Там охрана. Придется пешком. Так что набирайся сил да терпения. Пошли.

Они сделали несколько шагов, потом Гайковский вдруг спросил:

– А как звать-то тебя?

– Аня, – всхлипнула она.

– А меня Александр.

– Я знаю.

– А я думал, что тебя Анастасией зовут. Николаевной, – ухмыльнулся он вдруг.

Аня слабо улыбнулась в ответ, опустила голову.

– А та, другая, значит, спаслась... – пробормотал Гайковский.

– Может быть, – кивнула Аня. – Хорошо бы!

– Ишь ты, – протянул Гайковский. – Радуетесь? Так ты за нее жизнь отдать готова была?

Аня молчала.

– Ничего я в этом не понимаю и, видать, не пойму, – горячо сказал Гайковский. – Но тебя спасу. Жалко мне тебя.

Аня шла молча. Потом прохрипела:

– Нас учили, что мы должны... должны...

– Кому? – не понял Гайковский. – Чего должны?

Она молчала. И больше не проронила ни слова за все то время, пока они шли до моста.